

Как только Лу Вэй вернулся в старшую школу, он начал посещать целевые занятия с другими учениками. Его базовые навыки были безупречны, но чтобы сдать экзамен, ему приходилось адаптироваться к стилю сдачи теста. В конце дня одноклассники вокруг него были убеждены в его превосходстве.

Большинство людей здесь все еще боролись с моделированием и масляными красками, но работы Лу Вэя уже были уникальными. На утренних эскизах и дневных раскрасках преподаватель студии не только демонстрировал их, но и использовал домашнее задание Лу Вэя, чтобы объяснить всем их ошибки.

Когда Лу Вэй уходил вечером домой, всем приходилось оставаться, чтобы подготовить домашнее задание.

Ан Тун был настолько завистлив, что воскликнул: «Молодой мастер, неужели ты не собираешься дать нам несколько советов по рисованию? В этом году в Биньчэне проходят реформы, и от масштабных рисунков мне хочется плакать».

Лу Вэй беспомощно посмотрел на него и сказал: «Мне тоже нужно будет потренироваться, когда я приду домой. Если у тебя есть вопросы, я должен быть буду свободен завтра в течение дня».

«Ого, слава богу». Ан Тун проводил Лу Вэя взглядом и вытер слезу у товарища, сидевшего рядом с ним. «Я действительно жалею, что не научился рисовать, пока был в утробе у матери».

«Тсс, еще один сошел с ума», — тупо прокомментировал соратник.

По дороге Лу Вэй получил звонок от Чжан Жуна, которая хотела отвезти его домой. Лу Вэй небрежно ответил: «У Сюй Вэйяна очень тихо, что очень помогает в моей учебе. Мы поговорим о возвращении домой, когда появится возможность».

«Но с вашими отношениями разве не хорошо для вас всегда жить там? В последнее время ходит много слухов. Почему бы тебе не вернуться или позволить маме и папе забрать тебя лично».

«Почему тебя волнует, что делают другие? Другие, например, говорят, что вы поддерживали меня только из-за имущества семьи Лу. Ты в это веришь?» — небрежно сказал Лу Вэй, но это затронуло сердце его собеседницы.

Лицо Чжан Жун изменилось: «...Что ты сказал? Разве ты не знаешь, почему мама и папа сделали это? Почему ты слушаешь, что говорят эти чужие люди?»

Лу Вэй усмехнулся: «Почему ты так нервничаешь? Я просто хочу, чтобы ты перестала беспокоиться о том, что сказали другие. Я лучше всех знаю, что лучше». Он небрежно поменял тему: «Если вы волнуетесь можете приехать и посмотреть. Мне здесь хорошо живется, и это близко к школе и студии».

«...Ладно, если тебя будут обижать, не забудь позвонить маме, и я заберу тебя». У Чжан Жуна не было выбора, кроме как сдаться.

Повесив трубку, Чжан Жун все еще думала о том, что только что сказал Лу Вэй. Она обеспокоенно спросила Лу Шаня: «Как ты думаешь, Лу Вэй действительно что-то понял?»

Лу Шань был настолько поглощен делами компании, что его не волновали эти вещи. «Ну и что,

если он что-то узнал? У него нет доказательств. Нам просто надо будет отказаться это признавать. Пока он не сменил опекуна, имущество Лу будет нашим».

«А что, если он женится?» Чжан Жун в последнее время чувствовала себя неуютно. «Я думаю, его отношения с Сюй Вэйян кажутся очень стабильными. А вдруг они действительно поженятся?»

Брак означал, что Лу Вэй больше не вернется, и их план нельзя будет осуществить. Даже если в один прекрасный день он случайно умрет, имущество Лу сможет унаследовать только его законный супруг.

Услышав это, Лу Шань усмехнулся и спросил ее: «Ты веришь в это?»

Услышав это, Чжан Жун наконец немного расслабилась: «...это действительно немного трудно».

***

Прошла неделя с тех пор, как они получили свидетельство о браке. Хотя Лу Вэй не считал квартиру Сюй Вэйяна своим настоящим домом, он чувствовал себя здесь в полной безопасности.

Сюй Вэйян часто отсутствовал, и квартира площадью 300 квадратных метров была миром Лу Вэй. А по выходным, когда Сюй Вэйян отдыхал, он сам отсутствовал целый день. Выходные — самое загруженное время в студии, а единственный выходной — понедельник.

Летний лагерь начинался на следующей неделе, и к тому времени во всех школах заканчивались занятия. Лу Вэй был дома, собирая вещи, весь понедельник.

Летний лагерь длился полмесяца. Это было не так уж много, но этого времени было вполне достаточно для того, чтобы преподаватели поняли стиль и сильные стороны каждого.

Три лучших ученика в общем рейтинге этого летнего лагеря будут иметь преимущественную политику при поступлении на основе индивидуальных баллов. Многие ученики, которые хотели поступить в лучшие художественные школы, стекались в этот лагерь. Многие провели исследование стиля каждого учителя перед тем, как сюда приехать.

Лу Вэй всегда был человеком не стремящимся обратить на себя внимание. Живопись для него — легкое дело, и он не любил, когда его отвлекали рейтинги.

Он и к своим наградам относился очень легкомысленно. Преподаватель студии сказал, что это будет ему полезно, и он приехал сюда, потому что мог увидеть своих любимых учителей и профессоров.

В день заезда в лагерь все успели только оставить багаж в общежитии, как занятия уже вовсю начались.

Поскольку это мероприятие было организовано совместно с Академией изящных искусств и ее дочерней средней школой, в течение двух недель классы должны были посетить четыре профессора. Среди них будет Цзян Юань, выдающийся современный художник и нынешний президент Академии изящных искусств.

В то же время, эти четверо также являлись теми, кто подготавливал вопросы для ежегодных школьных экзаменов. Поэтому многие люди считали, что если они будут усердно учиться в

лагере, это позволит им уже одной ногой стоять на территории кампуса академии.

Однако Лу Вэй не загадывал так далеко вперед. Результат или неудача в этот раз не оказывали на него большого влияния. Поэтому, когда все соревновались открыто или тайно, он был единственным, кто следовал распорядку, вовремя ел и вовремя ложился спать.

Остальные трое соседей по комнате, наблюдавшие за этим, были в полном замешательстве.

«Лу Вэй, ты действительно не волнуешься? Это вопрос касается нашего будущего».

Лу Вэй улыбнулся, достал все лекарства, которые нужно было проглотить вечером, и разложил их по одному. Люди были ошеломлены бутылками и банками.

«У меня не очень хорошее здоровье, поэтому я не могу ложиться спать поздно, как все остальные. Для меня здоровье — это вопрос жизни и смерти».

Услышав это, все трое замолчали. Через несколько секунд извинения послышались одно за другим.

«Извини, мы не это имели в виду».

«Ты прав. Здоровье действительно важнее оценок. Мы постараемся говорить тише, когда вернемся вечером в следующий раз».

«Да, да, самое главное — сохранять здоровье».

Вспомнив дом Лу, Лу Вэй почувствовал, что не так уж и плохо оказаться в невинный кампус. «Все в порядке, я привык, так что вы, ребята, должны постараться. Если получится, я надеюсь, что каждый из вас сможет поступить в высшую школу по своему выбору».

«Конечно». Высокий парень спустился с верхней койки, внимательно осмотрел все его лекарства и ему стало его жаль. «Ты слишком много съел всего этого. Должно быть, очень горько, да?»

Сказав это, он достал из сумки шоколадку и протянул: «Вот, возьми».

«Спасибо», — Лу Вэй был очень благодарен.

Высокий парень также был хорошим дипломатом. Он дал Лу Вэю шоколадку, а двум другим — по пакетику утиных шеек. «Я взял только одну шоколадку. Лу Вэю она просто нужнее. Вы, ребята, можете просто съесть это».

Двое других также подошли к Лу Вэю и спросили его о таблетках. «Мы собираемся остаться здесь на полмесяца. Мне кажется, ты привез слишком мало лекарств?»

Толстый мальчик видел, как много лекарств пил его дедушка, когда серьезно заболел. При некоторых болезнях, если не принимать лекарства вовремя, это может быть смертельно. Хотя он и не знал, чем болен Лу Вэй.

Но казалось, что его стройное тело может быть унесено ветром.

«Я собирался в спешке и забыл зайти в больницу за лекарствами. Я отпрошусь, чтобы съездить за ними позже».

«Слишком хлопотно ехать самому. Ты можешь попросить свою семью доставить их. Это сэкономит время для занятий».

Услышав это, Лу Вэй кивнул, ничего не ответив.

У него нет семьи в этом мире.

Расписание летнего лагеря было плотным и скучным. За исключением людей в общежитии, которые все еще могли общаться друг с другом, большинство студентов относились к этому месту как к масштабному игровому полю и тайно соревновались друг с другом.

Если ты будешь заниматься до десяти часов, я буду до двенадцати. Если ты будешь заниматься до двенадцати, я лягу спать в два часа ночи.

Незримо Лу Вэй стал здесь глотком свежего воздуха. Многие видели, что он мало практиковался, и вообще не воспринимали его всерьез.

Иногда во время обеда или перемены многие решали составить компанию Лу Вэю.

Тот не знал, смеяться ему или плакать от этого явления. Чжу Луань, высокий парень из их комнаты в общежитие, не мог не покачать головой, увидев это. «Самые могущественные короли демонов часто имеют слабое присутствие. Мастер прав».

Толстяк Чжан Шушу, привыкший к оскорблениям, потрогал свой круглый живот и решил это отпустить. «Лучше быть более буддистским. Так мне не будет слишком больно, когда я узнаю правду».

Слушая равнодушные слова двух соседей, Сяо Яньцин почувствовал себя не в своей тарелке. Если бы Лу Вэй был действительно слабаком, это было бы хорошо, но он был гением, который практиковался меньше всех, но его картины имели лучший эффект изображения.

Бог так несправедлив.

Лу Вэй вышел из ванной и как раз вовремя заметил вспышку уныния на лице Маленького Очкарика. Увидев его, тот поспешно улыбнулся. Лу Вэй молча отвел глаза и вернулся на свое место, чтобы собрать вещи.

Он видел слишком много подобных взглядов с тех пор, как был ребенком. Выражение лица соученика сейчас было точно таким же, как у Лу Вэньцуна.

<http://bllate.org/book/14611/1296398>